

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-91

Maggie O'Farrell

THE VANISHING ACT OF ESME LENNOX

Copyright © 2006 Maggie O'Farrell

Фото автора @ Ben Gold

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *В. Гордиенко*

Художественное оформление *П. Петрова*

О'Фаррелл, Мэгги.

О-91 Исчезновение Эсме Леннокс / Мэгги О'Фаррелл ; [пер. с
англ. В. Баканова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 224 с.

ISBN 978-5-04-101948-8

Эсме Леннокс осталась наедине со своими воспоминаниями о юности, о старшей сестре Китти и брате, который, как она утверждает, погиб у нее на руках. Все эти события оживают в ее сознании так, будто произошли вчера.

Китти тоже думает об Эсме. Но ее воспоминания бессвязны. Это причудливая мозаика, детали которой не всегда сходны с тем, что рассказывает сестра.

Айрис, хозяйка магазина подержанной одежды, узнает, что она опекун Эсме, с которой у нее никогда не было ничего общего. Но именно от Эсме Айрис узнает шокирующие подробности своего детства и восстанавливает непростую историю своей семьи.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Гордиенко В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101948-8

Посвящается Саулу Шеймусу

От всей души благодарю
Уильяма Сатклифа,
Викторию Хоббс,
Мэри-Энн Харрингтон,
Рут Мецштейн,
Каролину Гольдблатт,
Кэтрин Тоуль,
Альму Нерадин,
Дейзи Донован,
Сюзан О'Фаррелл,
Кэтрин О'Фаррелл,
Бриджет О'Фаррелл,
Фен Боммер
и Маргарет Бриндл Ридьярд.

Работая над книгой, я многое почерпнула из работ «The Female Malady: Women, Madness and English Culture, 1830—1980» Элейн Шоуолтер (издательство Virago, London, 1985) и «Sanity, Madness and the Family» Р.Д. Леинга (издательство Penguin, London, 1964).

Вглядись в Безумца — иногда
Он чуть ли не пророк —
А Слишком Умных глас толпы
Безумцами нарек.

Нормальным признан тот,
Кто ладит с Большинством —
Бунтарь же — под замком сидит
И на Цепи притом¹.

Эмили Дикинсон

Я не смогла бы наслаждаться счастьем,
основанным на лжи и несправедливости...
Разве это настоящая жизнь?

Эдит Уортон

¹ Пер. А. Кудрявицкого.

Начнем, пожалуй, с бала. У дальней стены две девушки. Одна сидит на стуле, открывая и захлопывая бальную книжку руками в перчатках. Другая стоит рядом и смотрит на танцоров: пары кружатся, каблуки отстукивают ритм, как барабаны, юбки закручиваются водоворотами, пол подпрыгивает. Последний час уходящего года, за окнами — ночная тьма. Та, что сидит, в светлом, другая — в алом платье, будто с чужого плеча. Перчатки она потеряла. Так все начинается.

Или нет. Возможно, все начинается раньше, до бала, прежде, чем надеты лучшие наряды, пока свечи не зажжены, а пол не посыпан песком, прежде, чем настал год, чей уход они празднуют. Кто знает? Все равно все кончится зарешеченным окном с маленькими, в два пальца шириной квадратиками между металлическими перекладинами.

И если Эсме глядит, не мигая, вдаль, с ее зрением что-то творится: решетка размывается, а то и вовсе исчезает. Тогда Эсме всматривается в истинное состояние вещей, остаются только она, деревья и дорога. И ничего между ними.

В самом низу краска с металлических перекладин облетела, и заметны старые разноцветные слои, как кольца срубленного дерева.

У нее за спиной женщина готовит чай для покойного мужа. Он умер? Или сбежал? Эсме не помнит. Другая женщина ищет воду, чтобы полить цветы, которые давным-давно завяли в приморском городишке неподалеку. Самые простые привычки держатся дольше всего: постирать, помыть, почистить, приготовить еду. Все великое и значительное уходит, остается лишь простое — нити, сшивающие лоскуты человеческой жизни. Девушка громко требует сигарет. Ее уже дважды предупреждали, и скоро, судя по всему, не миновать ей третьего предупреждения. А Эсме раздумывает: когда же все началось? Там, на балу, или еще раньше, в Индии?

Она ни с кем не разговаривает. Надо сосредоточиться, не пачкать мысли произнесенными вслух словами. В голове вращается калейдоскоп, и она не хочет, чтобы кто-то заметил, когда картинка сложится как надо.

Фшш, фшш. Стоп.

Значит, в Индии. В саду. Ей года четыре, она стоит на верхней ступеньке лестницы, на заднем крыльце.

Покачиваются ветки мимозы, кивая головами, осыпая лужайку желтой пылью. Если пройти по поляне, на траве останется след. Она чего-то хочет. Но не знает чего. Как будто чешется, а почесать — не дотянешься. Пить? Позвать няню? Ломтик манго? Потирая комариный укус на руке, она касается голый ступней желтой пыли. Где-то рядом сестра прыгает через скакалку, слышно, как шлепают по земле ее ноги и посвистывает в воздухе веревка. Хлоп — вжик — хлопок — вжик — хлопок — вжик.

Эсме склоняет голову набок и прислушивается: щебечет птица — фрр-чив-чив-фрр, мотыга с глухим стуком врезается в грядку — бум, бум. И звучит мамин голос. Слов не разобрать, но голос точно мамин.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЭСМЕ ЛЕННОКС

Эсме спрыгивает со ступеньки и бегом огибает бунгало. У пруда с цветущими лилиями мама склонилась над столом и разливает чай. Отец покачивается в гамаке. Края их белых одежд слабо колышутся в душном мареве. Эсме прищуривается и смотрит сквозь ресницы, пока родители не превращаются в неясные формы: мать кажется треугольником, а отец — прямой линией.

Считая про себя, девочка идет по лужайке и на каждом десятом шагу подпрыгивает.

— Ох, — поворачивается к ней мать. — Ты не спишь?

— Я проснулась.

Эсме стоит на одной ножке, как птицы, которые слетаются к пруду поздно вечером.

— Где твоя няня? Где Джамила?

— Не знаю. Можно мне чаю?

Мать медлит с ответом, расправляя на коленях салфетку.

— Милая, лучше...

— Дай ей, раз просит, — говорит отец, не открывая глаз.

Мать наливает чай в блюдце и протягивает Эсме. Поднырнув под руку матери, девочка забирается к ней на колени. Кружева царапают детскую кожу, из-под белого хлопка пышет жаром тело.

— Ты треугольник, а папа — черта.

Мать вздрагивает:

— Прости, что ты сказала?

— Ты треугольник, а...

— Мм. — Мать крепко сжимает локти Эсме и опускает дочь на траву. — Сегодня слишком жарко, чтобы обниматься. Ступай поищи Китти. Что она делает?

— Прыгает через скакалку.